

Признание в любви Булату Окуджаве

Восп. Москва, 1994. 13 мая. С. 5

Когда журналисты или многочисленные его знакомые спрашивали Булата Шалвовича, как он предполагает отметить свой 70-летний юбилей, поэт неизменно отвечал: в узком семейном кругу. И это было правдой, потому что, наверное, больше всего на свете он боится всего официального, даже если оно призвано символизировать любовь и уважение, вернее, тем более, если призвано. И это я не придумала. 9 мая на вечер, в честь поэта устроенном его друзьями из театра Райхельгауза, Изабелла Ахатовна Ахмадулина под дружелюбный хохот зала рассказала, как десять лет назад Булат Шалвович с явной тревогой и озабоченно спросил ее: «Скажи, а вдруг им придет в голову насильно дать мне какой-нибудь орден, что же делать тогда мне?».

В тот вечер, 9 мая, слава Богу, ордена поэту не дали, но ложа, в которой он сидел с семьей, в буквальном смысле утопала в букетах роз. Вот уж, действительно, то был миллион алых роз.

Знаю, что наши шоу-бизнесмены задолго до юбилея предлагали Булату Шалвовичу снять для торжеств аж Кремлевский дворец (все будет «уплочено»). Но поэт отклонял предложение за предложением. Мне даже казалось: он боится надвигающейся даты. Ну, такой он — негромкий. Любит только неподдельное. Остальное — шелуха, упаси, мол, Господи.

Но театр «Школа современной пьесы», что на Трубной, устроил Булату Шалвовичу и тем, кому посчастливилось быть там, такой подлинный и радостный праздник, что лучше, кажется, и нельзя придумать. Собственно, праздник вышел за театральные стены и захлестнул часть Трубной площади. Сюда все подходило и подходили москвичи, совсем не надеясь попасть в зал, но с единственным желанием приобщиться к радости. Мне с трудом удалось пройти сквозь толпу, я давно не видела столько прекрасных лиц в единении,

вместе. И уже у самого входа в театр (а я боялась этого вопроса) одна девушка сказала: «Ну, может, у вас есть хоть один лишний билет?» Но у меня был только один. И я очень хорошо понимала эту девушку, оттого и боялась такого вопроса. Это как все есть хотят, а ты прилюдно жуешь белую булку.

И все-таки я была несказанно счастлива, неся свою бордово-черную

розу, как трепетный факел, поднимая ее над головами людей, чтоб ненароком не смять. Донести. Туда. Булату Окуджаве. Хоть и предполагала: роз там будет миллион. А все же без моей единственной — неполной.

Да, зал был переполнен. Да, без официальных лиц не обошлось. Но все они, как один — и Андрей Козырев, и Анатолий Чубайс, и Егор Гайдар, и Сергей Красавченко — просили поэта забыть на этот вечер их официальные титулы. В тот миг они были, как и все москвичи, просто признательными поэту людьми. За все то прекрасное, чему он научил нас. Просто людьми, влюбленными не только в его песни и стихи — в сам его облик. И верно, по-моему,

заметил Михаил Леонтьев, написав в «Вечернем клубе», что Окуджава среди нас — «это нечто сюрреалистическое». Ведь надо открыто признать: он — поэт пушкинской среды. Случайно, волею Божьего промысла занесенный к нам.

Но факт есть факт. Мне показалось: поэт, как и мы, был ошеломлен, даже несколько подавлен тем потоком любви, что обрушился на него в тот вечер. Нет, это было далеко не официальное торжество, хоть Булат Окуджаву сидел в ярко освещенной ложе, заваленный цветами. И когда артисты, ведущие вечер, объявляли, что москвичи на Трубной в эти минуты поют окуджавские песни — мороз пробежал по ко-

же. Так высок был накал любви. И чуть страшновато. Ну, тише. Ну, поменьше. Нас много, а он один.

Три артиста из Иванова прорвали все кордоны и вышли с гитарами на сцену. Они по-своему спели окуджавские строчки «арбатство, растворенное в крови...», сделав «булатство...» И это было верно, точно, потому что имя Булата Окуджавы уже давно и счастливо сделалось для нас паролем в достойную жизнь, ожидания ее, той последней духовной баррикадой, за которую каждый из нас в ответе. Лично.

Татьяна ГЛИНКА.

НА СНИМКЕ: Ю. Рост дарит юбиляру бутылку «Цинандили» 1909 года розлива.

Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА.